

Н. КАРИНЦЕВ
П Р А В Ъ
НА
С Е В Е Р !

"КНИГА"

Н. КАРИНЦЕВ

ПРАВЬ НА СЕВЕР!

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Издательство «КНИГА»
Ленинград—Москва

ПЕЧАТАНО В КОЛИЧЕСТВЕ 4.000 ВКЗ.
В ТИПОГРАФИИ М.К.Х. имени Ф. Я.
ЛАВРОВА, БОРОДИНСКИЙ МОСТ,
ВАРГУНИХИНА ГОРА. 8. :: :: ::
ГЛАВЛИТ № 82688. МОСКВА—1927 г.

Норденшельд.

Полярная горячка.—Отец и мать.—В гимназии.—Юный профессор.—Изгнанник.—Дружба с исследователем.—Первые победы.—Собаки или олени.—К полюсу.

С головокружительных высот подтропических гор мы спустимся в холодные, спокойные, синевато-мертвенные равнины полюса. Из царства ужаса—в царство смерти, под снежным покровом которого погибло столько смельчаков.

Начиная с XV века и до самого XIX столетия полярные экспедиции преследовали лишь коммерческие цели. Необходимо было найти более короткий путь к богатым берегам Тихого океана, и потому делались неисчислимые попытки—то обогнуть Северную Америку, то проплыть мимо берегов Северной Азии,—попытки, кончавшиеся неудачно.

Совершенно иначе дело обстоит теперь.

Жажда неизвестного, жажда открыть тайну природы, любовь к науке, а может быть, и к славе,—бросили в течение XIX и в начале XX веков в полярные области земли более шестисот исследователей, из которых лучшие покоятся теперь мертвыми под вечными снегами.

Одно время казалось, что путешественники были об'яты полярной горячкой, переходившей, как зараза, от одного к другому, казалось, что смертель-

ные опасности ледяных областей влекли к себе, как свет, сверкающий в летней тьме, влечет к себе ночных мотыльков.

Но из всех героев этих экспедиций никто более ярко, более полно и более блестяще не олицетворяет собой победоносную борьбу человека с гиперборейской природой, как уроженец Финляндии Адольф Эрик Норденшельд.

Норденшельд родился в Гельсингфорсе, главном городе Финляндии, 18 ноября 1832 года. Благодаря близости к России, Норденшельд один из первых обследовал берега нашей северно-азиатской окраины и своей экспедицией в Енисейск принес России много пользы.

На его богатой, полной приключений жизни мы остановимся несколько дольше.

Детство и первую юность Норденшельд провел в Финляндии, в доме своего отца, кабинет которого был полон старинными, толстыми книжками по естественной истории, и мальчик целыми часами сидел, зарывшись в изучение естественных наук. Отец мальчика был ученым минералогом, много раз'езжавшим по белому свету, и, конечно, охотно помогал своему сыну в приобретении знаний.

Но не только одни книжки были источниками знаний юного натуралиста. Вместе со своим отцом он раз'езжал часто по стране, и вместе с отцом же научился наблюдать и изучать природу. Эти юношеские поездки принесли ему громадную пользу, выработав в нем острый и внимательный глаз наблюдателя, столь необходимый для путешественников полярных стран.

Таким образом, сама судьба как будто уже с раннего детства указала ему тот путь, который должен был привести его к мировой славе.

Если влияние отца сказывалось в благотворном действии на умственное развитие мальчика, то не меньшим было и влияние матери, образованной, вдумчивой и сердечной женщины, на душевный склад ее сына.

И под этими двумя благотворными влияниями рос Норденшельд, пока, наконец, не достиг возраста, когда ему надо было начать систематические занятия. С этой целью тринадцатилетнего мальчика отдали в гимназию в городе Борго, недалеко от имения родителей.

К счастью, и в гимназии нашлись люди, сумевшие благотворно повлиять на юного гимназиста. Среди таких людей первое место вскоре занял знаменитый поэт Рунеберг. Он преподавал в гимназии греческий язык; но вместе с правилами греческой грамматики он умел внушать своим воспитанникам глубокую любовь к природе, гениальным певцом которой был сам.

Вскоре он обратил внимание на способного, даровитого Норденшельда и уже до самого окончания последним гимназии не оставлял его без своего руководства.

От него Норденшельд заразился тем фантастическим, героическим полетом мысли, без которой ничто великое не может быть совершено.

Осенью 1849 г. Норденшельд, теперь стройный с вдумчивыми глазами юноша, сдал экзамен на

поступление в университет и был зачислен на естественно-историческое отделение.

Следующие три года он провел в усердных занятиях естественной историей, химией и математикой, и, наведываясь во время каникул к своему отцу, подкреплял свои знания практическими занятиями.

В университете вскоре был замечен этот выдающийся студент, и когда по окончании он сдал требуемый экзамен и получил степень доктора естественных наук, его, несмотря на молодость, оставили при университете и сразу же назначили деканом того факультета, который он окончил. Этого ответственного поста добивались многие, но получил его один Норденшельд.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая жизнь молодого профессора, если бы он продолжал оставаться при университете; возможно, что тогда никто из нас и не догадывался бы о том, что когда то жил Норденшельд.

Но тут произошло важное событие, которое перевернуло всю жизнь юного профессора. Финляндия в то время находилась под железной пятой царской России, и всякий намек с чьей-либо стороны на то, что страна должна быть независима, преследовался царскими чиновниками, губернаторами и полицейскими.

Однажды, собравшись с друзьями праздновать день рождения, молодые люди, вместе с Норденшельдом воодушевившись, начали провозглашать разные тосты. Один из тостов был поднят за процветание Финляндии. Пирующие дружно подхва-

тили его и вслед за тем раздалось пение национальных финских песен.

Конечно, это была лишь забава разгулявшейся молодежи. Но нашлись такие люди, которые, завидя Норденшельду в его карьере, донесли обо всем тогдашнему генерал-губернатору Финляндии, представив, что дело идет о заговоре.

Они убедили его, что под видом пировавших собралась кучка заговорщиков, замышляющих отделение Финляндии от России, и что главным заговорщиком всего является Норденшельд.

Через несколько дней, ничего не подозревавший, молодой человек был вызван к генерал-губернатору, и каково же было его удивление, когда ему сказали, что он подозревается в государственном преступлении и высылается из Финляндии.

Никакие об'яснения не помогли, и Норденшельд, получив паспорт, должен был вместе с несколькими товарищами покинуть пределы своей родины. Так царское правительство расправлялось даже с юношами.

Поселившись в Швеции, Норденшельд, однако, не чувствовал себя одиноким изгнанником, оторванным от своих друзей и дела. В Швеции жили его многочисленные родственники, и кроме того, он был с распростертыми об'ятиями принят тамошней интеллигенцией. О его научных трудах в Швеции знали очень хорошо, и шведы могли лишь быть довольны, что теперь среди них оказался этот молодой и даровитый ученый.

И Норденшельд, таким образом, сразу окунулся в водоворот стокгольмской кипучей жизни.

В то время шведские ученые круги были заинтересованы вопросом о громадных ледяных областях, находящихся на севере от Скандинавского полуострова. Их интересовала таинственная мертвая страна, о которой строились различные догадки, и уже не одна экспедиция отваживалась пускаться на исследование этой загадки,—но каждый раз эти экспедиции оказывались слишком кратковременными, так как не решались заплывать далеко, и загадка попрежнему оставалась загадкой.

Одним из самых упорных искателей был известный зоолог Свен Ловен, но и он больше интересовался жизнью животных и растений на затерянных ледяных землях, чем самими землями.

Но зато Свен Ловен отличался одним очень редким для человека качеством: он умел прекрасно различать людей и безошибочно угадывать, к чему каждый из них более всего способен.

Познакомившись с Норденшельдом, он сейчас же обратил внимание на этого молодого, энергичного, никогда не отступающего от своего слова финского ученого, и решил завязать с ним более близкие отношения, предугадав в нем будущего хорошего популярного исследователя. При всей остроте своего взгляда, он все же не мог предполагать, что перед ним не только хороший, но и гениальный исследователь.

Вскоре догадки Ловина оправдались: он нашел в Норденшельде все те качества, которые необходимы для путешественника по полярным странам—широту взгляда, находчивость и настойчивость в достижении раз поставленной цели.

Для первого раза Ловен предложил Норденшельду отправиться в небольшую экспедицию на остров Шпицберген. Экспедиция была организована на очень скромных началах и намеревалась исследовать лишь западное побережье острова.

Норденшельд согласился и два с половиной месяца провел на далеком острове.

Эта первая поездка была боевым крещением начинающего исследователя. Хотя и кратковременная, она, однако, пробудила в нем, очевидно, дремавший дух путешественника и послужила толчком к дальнейшим все более и более грандиозным предприятиям.

Состоявшаяся в следующем году экспедиция в Гренландию обратила внимание шведского общества на энергичных исследователей, и в 1860 г. парламент ассигновал 8000 риксдалеров на образование новой экспедиции на Шпицберген. Экспедицией заинтересовались и за границей, особенно в Англии, и в добавление к деньгам парламента пришли еще и деньги, пожертвованные частными лицами.

Теперь планы исследователей могли расшириться; у них были деньги, они могли выстроить хорошее, прочное судно для борьбы со льдами, и осуществить свою мечту—исследовать область севернее Шпицбергена.

Тут впервые перед Норденшельдом промчалась, пока еще точно призрак, точно видение, первая мысль об открытии северного полюса, мысль, которая затем уже долго его не покидала. И хотя не Норденшельду принадлежит честь и слава открытия полюса, он все же был тем Колумбом, который

первый открыл дорогу к этой невидимой, но заманчивой точке земного шара.

Экспедиции, однако, не удалось выполнить всего задуманного, и спустя четыре месяца, полных лишений и опасностей среди ледяных областей, «Эолус»¹⁾ должен был вернуться домой. Но все же то, что исследователи сделали,—а сделали они много: исследовали северное побережье Шпицбергена, его заливы и прилегающие острова,—все это поставило Швецию в первый ряд среди стран, посылавших своих людей в полярные области.

Свен Ловен, меж тем, уже достигший преклонного возраста, решил удалиться на покой, предоставив свое место руководителя Адольфу Норденшельду, который после нескольких поездок был уже достаточно опытен, чтобы согласиться на этот пост. Кроме того, его самого уже охватила та «полярная горячка», которая не так то легко выпускает из своих лап раз попавшихся в них.

Это случилось как раз в то время, когда вопрос об исследованиях ледяных областей принял то направление, о котором когда-то мечтал сам Норденшельд и которое придало всем дальнейшим исследованиям характер героический, а иногда даже и фантастический.

Можно ли достигнуть северного полюса? Что это за таинственная точка? Есть ли там земля или же только громадная ледяная поверхность?

Таковы были те вопросы, которые волновали мир исследователей и разрешить которые жаждал каждый из них.

¹⁾ Название корабля Норденшельда.

А тут еще известный немецкий ученый географ Петерман, известный своими глубокими знаниями, высказал предположение, что вокруг полюса на громадное пространство расстилается совсем свободная водяная поверхность, плавание по которой должно совершаться совершенно беспрепятственно.

Исследователи заволновались. Для них это предположение имело громадную важность: нужно было пробиться только через первые ледяные преграды, плотно облегающие полярное море, а затем открывается это самое море, но уже свободное от льда, с заманчивой точкой, которая называется северным полюсом.

Хотя Норденшельд и не верил в теорию открытого моря вокруг полюса,—его все же заразило волнение исследователей, и в голове его созрел план.

По опыту прошлых экспедиций он знал, что поздней осенью, когда полярный лед начинает разрушаться теплыми летними течениями и разгоняться во все стороны бурями и ветрами, можно еще надеяться пробиться если не к самому полюсу, то по крайней мере на много дальше тех мест, куда заходили все прежние экспедиции. Этот план пришелся по душе смелому и отважному Норденшельду, и, решительный как всегда, он сейчас же принялся действовать.

Прежде всего необходимы были деньги. Правительство отнеслось с недоверием к несбыточным, как ему казалось, планам Норденшельда и на просьбу исследователя ответило уклончиво.

Норденшельд понял, что здесь ему рассчитывать нельзя, а потому принялся сам энергично разыски-

вать средства. Он ездил из города в город, стараясь всюду заинтересовать общество в своем предприятии, читал лекции, рисовал заманчивые перспективы, и ему, наконец, удалось склонить на свою сторону богатого филантропа и ученого — любителя графа — Эренсверда. Последний принял участие в энергичном исследователе, сам дал ему деньги, да еще и собрал среди своих друзей и знакомых изрядную сумму.

Теперь и правительство согласилось притти на помощь Норденшельду и предоставило в распоряжение первой шведской экспедиции на северный полюс небольшое, но крепкое судно под названием «София». Из государственного флота были вызваны охотники поступить на «Софию» в матросы, каких набралось с десятков человек под командой отважного капитана Оттера.

И вот, хорошо оснащенная, прочная «София» оставила рейд Готенбурга, направившись в город Тремзе, ближайший остановочный пункт всех полярных экспедиций. В этом городе всегда можно было найти много искусных, отважных моряков, знающих полярные области, которые охотно согласились бы вступить в экипаж экспедиции.

Так случилось и теперь. На борт «Софии» были приняты несколько норвежских рыбаков, привычных к полярным экспедициям, и путешественники двинулись дальше.

Как мы сказали выше, в задачу экспедиции входило, главным образом, проникнуть как можно дальше на север, но это, конечно, не исключало того, чтобы всюду, где возможно, не упускать слу-

чая производить естественно-исторические исследования. Поэтому на «Софии» находилось несколько ученых ботаников и зоологов.

Компания подобралась дружная, энергичная, молодая, и время обещало протекать незаметно.

Общим весельчаком и душой был доктор Нюстрем, который, по выражению Норденшельда, «лечил всех их не лекарствами, а своим веселым, заразительным смехом».

Из Тремзе экспедиция, прежде всего, отправилась на Шпицберген, где первые два месяца были посвящены тщательным естественно-историческим исследованиям западных и восточных фиордов. Были устроены интересные поездки на лодках вокруг Земли Принца Карла и при помощи усовершенствованных приборов было отмечено, что еще на глубине 2650 сажен под поверхностью Ледовитого океана бурлит и кипит животная жизнь.

Эти быстро протекавшие летние дни, дни полные труда, полные интересной совместной жизни, оставили во всех участниках экспедиции теплые и радостные воспоминания, и уже долго спустя, у себя, в удобных кабинетах, они с тоской перелетали мыслью к одиноким, но величественным островам, мрачно темнеющим среди фантастических ледяных гор.

И когда, в половине сентября, некоторые из ученых участников пересели на грузовое судно, чтобы отправиться домой,—прощание их с покидаемым экипажем было трогательное и чуть ли не слезное.

Норденшельд с товарищами отправился в дальнейший путь. Плавание было спокойное, и

19 сентября весь экипаж, от матроса до самого Норденшельда, был охвачен радостью и надеждами. По произведенным измерениям «София» достигла $81^{\circ} 42'$ северной широты. Это был самый северный пункт, какого еще не достигала ни одна предыдущая экспедиция. Первыми, сделавшими это, были шведы, и сердце Норденшельда готово было выпрыгнуть от радости.

Но надо было подвигаться дальше, к полюсу, — и «София», как бы зараженная бодростью своего экипажа, весело вздрагивая, быстро рассекала зеленые, холодные волны океана.

Но недалек уже был тот час, когда место надежды должно было занять разочарование.

Однажды утром проснувшийся экипаж не услышал обычного шума паровой машины и столь приятного для их слуха бурления воды.

«София» стала.

Прямо перед ней высилась непроходимая, гладкая ледяная стена, которая воочию показала всю вздорность предположения об открытом полярном море вокруг полюса. В течение трех недель «София» внимательно искала по всей длине этой стены какого-либо выхода, но все было напрасно.

Ни трещины, ни рубца, — точно стена была отполирована какой то гигантской, таинственной рукой.

Делать было нечего. Экипаж не был подготовлен к зимовке и надо было подумывать об отъезде, тем более, что дальнейшее пребывание в ледяной области становилось опасным.

То тут, то там появлялись громадные ледяные горы, и только искусная рука капитана Оттера спасала судно от гибельного столкновения.

Все было хорошо, пока погода стояла ясная и спокойная. Но вот 4 октября впервые разразилась буря, страшная полярная буря. Под яростный вой ветра, завывавшего в снастях, маленькое судно, как скорлупа, перебрасывалось с одного гребня на другой. Величественная и страшная картина была перед моряками.

Бушующее море было покрыто кипящими, ревущими, пенящими волнами, которые перебрасывались, как легкой игрушкой, громадными ледяными глыбами. Шторм все увеличивался, сразу вдруг стало темно, так темно, как будто огромная, сизо-черная туча спустилась на самое море, и, смешавшись с океаном, превращала всю природу в какой-то хаос и мрак.

И посреди всего бедная «София», с дырой в боку, точно раненый олень, мечется по волнам, стараясь найти защиту в бухте хоть какого-либо острова. Но до него еще далеко, а буря не ждет. Она не знает пощады.

— Ставь паруса, наддай пару!—то и дело раздаются оклики, прорезающие ночную тьму и вихрь.

— Скорей! Скорей в желанную бухту! Дело идет о жизни и смерти.

Раненое судно под всеми парусами и под разведенными парами мчится вперед.

Вот оно свалилось на бок, сокрушенное, как будто придавленное какой то силой и на минуту

исчезает в пучине морской, чтобы через мгновение снова вынырнуть и броситься вперед, прищипываемое страхом смерти, и с удесытеренными силами бороться с бешеной стихией.

Вот приближается исполинская волна, все ближе, ближе подкатывается она к кораблю и вдруг с шумом и треском сваливается всей своей массой на паруса, сметает их в сторону и громадным потоком заливает всю палубу вплоть до кормы. И раненая «София», лежа на боку, чувствует, как вода с безумной быстротой все прибывает и прибывает через ее рану в трюм. По расчетам бедствующих, до ближайшего острова еще полтора часа.

«Успеем-ли?» — молнией проносится в голове у всякого.

А вода достигла уже нижнего пола и слышно, как она, шипя и бурля, пробивается в машинное отделение.

Лихорадочно и быстро работает весь экипаж, выкачивая воду. Но напрасно: океан сильнее людей.

Если бы хоть знать, где течь? Но никто не знает этого и всякий уверен, что если «София» пойдет ко дну, никому из них не спастись. Спасательные лодки слишком малы для этой бурной разъяренной стихии.

«София» мчится с быстротой молнии: ветер, паруса, пар и призрак смерти гонят ее вперед. Людям нет времени даже и думать о грозящей опасности: они работают, работают до изнеможения, лишь бы достигнуть желанного берега. К насосам прибавились ведра, которые при общем молчании переходят, полные выкачиваемой водой, из рук в руки.

Но вот начинает постепенно светлеть, небо проясняться,—и в сердце погибающих прокрадывается надежда, что на этот раз океан не победит их.

И, действительно, через несколько минут «София» вылетает из полосы льдов, море сразу успокаивается, и перед спасенными обрисовываются вдали снежные вершины гостеприимного Шпицбергена...

После того, как «София» была окончательно исправлена и готова к дальнейшему плаванию, Норденшельд решил отправиться домой. Да и была уж пора.

Наступила глубокая осень или, вернее, полярная зима с ее холодом, мраком и постоянными бурями.

Но когда Норденшельд уже проехал Южный мыс, ему захотелось использовать случай и обозреть новую, недавно открытую, землю короля Карла. «София» повернула на восток, но уже после двух дней пути встретила снова непроходимые полосы льдов.

Норденшельд решил окончательно повернуть домой и в конце ноября прибыл в Швецию, где население оказало ему восторженную и трогательную встречу.

Первая экспедиция на северный полюс была таким образом закончена, правда, не так, как этого хотел сам Норденшельд. Но все же она сделала много: Норденшельд достиг такого пункта, который казался слишком недостижимым, и только гонимый наступавшей зимой он должен был вернуться вспять.

Если бы «София» была подготовлена к долгой зимовке в полярной области, тогда дело обстояло бы иначе.

Эта мысль не давала покоя Норденшельду. Отправиться снова, но уже не на несколько месяцев, а на целую зиму, на целый год, чтобы иметь время исследовать полярное море и, может быть, все же пробиться сквозь его льды.

Но каковы условия долгой зимней стоянки во льдах? Что необходимо для этого?

Все это нужно было разузнать самому, не доверяя никаким рассказам, и поэтому Норденшельд решил раньше, чем отправиться во вторую длительную экспедицию на полюс, совершить зимнее путешествие где-нибудь далеко на севере по ледникам.

Для этого была избрана Гренландия с ее громадной поверхностью, сплошь покрытой ледяной корой. Экспедиция туда на зиму казалась всем чуть ли не добровольным погребением себя под снегом, а Норденшельду она рисовалась в розовых красках: для него она была средством достигнуть полюса.

В это время в Швеции интерес к предприятиям Норденшельда возрос уже настолько, что ему удалось вскоре собрать деньги и на эту экспедицию, которая самому исследователю казалась лишь небольшой прогулкой.

Самым важным вопросом, который предстояло решить Норденшельду, был вопрос о том, кого надо употреблять для перевозки тяжестей и для поездок во время зимних стоянок: собак или оленей.

И после утомительного, подчас опасного, странствования по Гренландии, Норденшельд пришел к заключению, что при громадных расстояниях в той области, где нельзя рассчитывать на убой дичи, — собаки ни в коем случае не годятся.

Это была громадная ошибка Норденшельда. Экспедиции Пири, Нансена и герцога Абранцского показали, что эскимосские или самоедские собаки являются лучшими помощниками при путешествиях как по полярным странам, так и по ледяным морям и снежным равнинам.

Но Норденшельд не знал того, что самоедские собаки всецело оправдывают свое название, так как в случае отсутствия пищи они поедают самых слабых из своей стаи, благодаря чему даже в самых пустынных местностях существование этих животных вполне обеспечено.

Норденшельд не знал этого, но если бы и знал, то возможно, что по мягкости своего характера не согласился бы основывать своих расчетов на таком жестоком отношении к собакам. Так или иначе, он взял с собой в новую экспедицию не собак, а оленей, и это послужило одной из самых главных причин неудачи и второй экспедиции на полюс.

Олени были отправлены на особом судне из Норвегии в Шпицберген, но едва их только удалось высадить на землю, как они все, пользуясь темной дурной ночью, разбежались. С большим трудом удалось поймать только некоторых из них, и Норденшельд решил все же продолжать путешествие.

Но тут будто сама судьба ополчилась против исследователя, и несчастья одно за другим сваливались на его голову.

Зимние холода настали гораздо раньше, чем Норденшельд ожидал, и принесли такую массу льдов, что не было никакой возможности двигаться. Едва пробиваясь среди этой движущейся стены,

судно, почти совершенно затертое ими, должно было, наконец, остановиться в Моссельском заливе и расположиться на зимовку гораздо южнее того места, которое было назначено раньше.

Недаром пословица говорит: «пришла беда—отворяй ворота». Так случилось и теперь.

Два судна, предназначенные исключительно для перевозки провианта и совершенно неподготовленные к зимовке,—вместо того, чтобы, сдав провиант, сейчас же вернуться домой, были вместе с Норденшельдом затерты льдами и должны были волею неволей зазимовать до следующего лета. А провиант между тем был заготовлен только для определенного количества людей, и теперь приходилось экономить на каждом куске.

Положение еще более ухудшилось, когда экспедиция в середине зимы должна была дать у себя приют почти пятидесяти норвежским рыболовам, судно которых было разбито ледяными массами.

А тут еще зима с ее ужасными бурями выдалась на редкость суровая. Словом, недаром один из участников экспедиции сказал, что на этот раз счастье Норденшельда было забыто им дома.

Но все же, несмотря на все неудачи, эта зимовка в полярных льдах, помимо богатых естественно-научных результатов, принесла еще и много других, среди которых важнее всего был тот опыт, который приобрел Норденшельд.

Он помог ему вскоре совершить новую экспедицию, память о которой навсегда останется сохраненной в летописях человечества.

Вокруг Азии северным путем.

Новые замыслы.—На «Опыт».—В устье Енисея.—Планы расширяются.—Новый Колумб.—«Вега». Веселое общество.—Старый знакомый.—В царстве льдов и туманов.—Среди чукчей.—Ни с места.—Пленники Питлекая.—«Вега» тронулась.—На крайнем востоке.—Мечта исполнилась.—Мир взбудоражен.—Возвращение героя.

В кругах, близких к Норденшельду, вскоре стало известно, что несмотря на неудачу, постигшую его в последнюю экспедицию, исследователь занят новыми планами, на осуществление которых дает деньги все тот же Эренсверд.

Вскоре стало также известно, что Норденшельд взоры свои устремил теперь не на Шпицберген и не на северный полюс, а на восточную часть Ледовитого океана, омывающую берега Северной Азии.

Эта часть была совершенно неизвестна, о ней ходили самые неправдоподобные слухи,—и Норденшельд решил снять покрывало таинственности, окутывающее ее, открыть знаменитый северо-восточный переход между Европой и Азиатским побережьем и тем принести пользу не только науке, но и мировой торговле и промышленности.

Все это произошло в 1870 году.

Правда, вначале Норденшельд и не помышлял о том, чтобы об'ехать всю Северную Азию вплоть до Берингова залива. Он хотел лишь исследовать воды, находящиеся на востоке от Новой Земли, и затем направиться к устью реки Оби или Енисея. Конечно, и это предприятие казалось многим довольно несбыточным, но для Норденшельда раз

решенное должно было быть непременно приведено в исполнение.

Карское море пользовалось с незапамятных времен, благодаря всегда наполнявшим его массам льда, затруднявшим плавание, очень дурной славой. Его даже называли «ледником полярных морей». Но норвежские рыбаки, часто бывавшие непризнанными пионерами в деле полярных исследований, уже в 1860 году, после своих плаваний вокруг Новой Земли, не раз заявляли, что Карское море гораздо лучше своей славы.

Норденшельд, конечно, полагался больше на опыт этих мореплавателей, чем на теории и предположения ученых, никогда и в глаза не видавших Карского моря; к тому же он и сам прекрасно понимал, что теплые воды сибирских рек должны, по крайней мере к концу лета, ослаблять и вытеснять образовавшийся за зиму лед, так что проход при устьях рек, по его расчетам, должен был быть свободным.

Оправдайся это предположение,—вместе с этим открывался бы и новый путь сношений между Европой и Сибирью, и экспедиция принесла бы, таким образом, не только научную, но и экономическую пользу.

И замечательнее всего то, что вся намеченная Норденшельдом программа этой экспедиции была выполнена до малейшей подробности, что случается довольно редко с полярными экспедициями, и что эта удача была достигнута совершенно простыми и скромными средствами.

Для плавания была куплена небольшая рыбо-

ловная шкуна, которую путешественники называли «Опыт», в знак того, что эта их первая поездка является не более как опытом. Не имея на себе никаких особых удобств, шкуна эта как нельзя лучше была приспособлена к плаванию среди льдов, и собравшаяся на ней компания исследователей и ученых надеялась с пользой провести недолгое лето.

Надежда Норденшельда достигнуть устья западно-сибирских рек оправдалась самым блестящим образом.

Оставив около середины лета рейд Тремзе, «Опыт» уже 15 августа находился перед устьем Енисея.

Правда, льды, окружающие Новую Землю, не особенно были расположены пропустить исследователей в Карское море, но Норденшельд решил, что ему нечего откладывать дело в долгий ящик, и ждать, пока льдам Маточкина Шара заблагорассудится растаять. Еще меньше его беспокоили сплошь затертые льдом Карские Ворота, и вместо всего этого он выбрал путь через Югорский Шар, который миновал благополучно 2 августа, и на всех парусах направился по свободному от льда морю к Енисею.

Здесь экспедиция разделилась на две части. Одна во главе с доктором Вельманом вернулась на «Опыте» домой, другая же во главе с Норденшельдом пересела на норвежское судно и, поднявшись вверх по реке, намеревалась возвратиться в Швецию сухопутным путем через Туруханск, Енисейск и Европейскую Россию.

Спокойная поездка по реке предоставила удобный случай для ценных естественно-исторических

наблюдений, а все путешествие сначала по Сибири, а потом и России, походило на какое то шествие триумфаторов, которых население каждого мало-мальски большого города приветствовало искренне и восторженно.

И эта встреча, оказанная ему населением в России была особенно приятна Норденшельду, так как он хорошо помнил, как много лет тому назад царские чиновники выслали его из Финляндии.

Вернувшись в Швецию, Норденшельд, однако, решил не удовлетвориться одним опытом: чтобы быть уверенным в действительной возможности морского пути между Европой и Азией, необходимо было съездить туда еще раз.

Правда, плаванья других исследователей показали, что этот морской путь не может служить торговым путем в истинном значении этого слова, но везло ли только такое счастье Норденшельду или же были на то другие причины, но и остальные поездки его к побережью Сибири проходили, что называется, без сучка и задоринки ¹⁾.

Все это укрепило Норденшельда в мысли, что Сибирское море доступно для плаванья не только до Оби или Енисея, но также и до самого Берингова пролива.

«Для меня стало ясно,—пишет сам исследователь,—что тут я должен приняться за осуществление новых задач, открывавшихся передо мной. Ведь дело идет о разрешении грандиозной географической

---

¹⁾ В самое последнее время, экспедиция, совершенная Нансеном вдоль северного побережья Азии, подтвердила все предположения Норденшельда.

проблемы—открыть северный морской путь в Китай и Японию, который в течение более трех столетий является заветной целью всех смелых исследователей и о котором еще тысячу лет назад мечтали все древние географы».

Таким образом, мы видим, как постепенно расширялись мысли и планы Норденшельда, который из почетного, но все же сравнительно простого, ранга полярного исследователя возвысился до гениального открывателя новых путей.

Конечно, эти широкие планы никогда не были чужды его душе, но он старался обуздать их до той поры, пока не приобретет себе достаточно «полярной» опытности.

Теперь он решил, что это время настало, и перед удивленным миром во весь рост предстала фигура этого нового Колумба.

И когда он в первый день нового 1877 года был приглашен на обед, данный в честь его учеными и общественными деятелями, то с обычным своим увлечением развернул перед ними такую широкую картину своих новых планов, что один из старейших ученых в присутствии всех обнял и расцеловал его, как человека, прославившего на весь мир Швецию и ее народ.

С той минуты материальная участь экспедиции была обеспечена: деньги посыпались отовсюду.

От планов оставалось приступить к действию.

Целью Норденшельда являлось вступить в ту область Ледовитого океана, которой до сих пор не касался борт ни одного судна. Первым таким

судном должна была быть Норденшельдовская «Вега».

Рассчитанное на плавание в совершенно незнакомых водах, где ледяные горы должны были отличаться особенной величиной и несокрушимостью, судно это соответственно этому и должно было отличаться большой прочностью, не боящейся никаких столкновений. И, действительно, построенная на верфях Бремена «Вега» была снабжена толстыми и крепкими дубовыми бортами, выложенными еще, кроме того, особым составом, так называемой ледяной корой, которой не страшны были никакие столкновения. Мощная машина в 60 лошадиных сил обеспечивала ей быстрый и хороший ход. Внутри она была рассчитана на тринадцать человек, которые все могли расположиться в просторных и удобных помещениях. На судне, кроме самого Норденшельда и нескольких его друзей, находились также и представители ученого мира Италии, Дании, Финляндии и России, что придавало всей экспедиции несколько международный характер.

4 июля 1878 года «Вега» покинула Готенбург и вышла при свежем попутном ветре в открытое море.

И пока «Вега» совершает первую, сравнительно безопасную, часть пути, мыведем краткое знакомство с ее пестрым населением.

В большой кают-компании только что окончился обед. Все уже отпили свой кофе, и молодые люди—все бородатые, ибо борода на море находится в большом почете—сидят вокруг длинного

стола. Помощник Норденшельда Паландер что то бормочет про плохой ветер и, задумчиво впериw свой взор в морскую карту, недовольно покачивает головой: при таком малом ветре недалеко уедешь.

Брусевич, русский математик, производит какие то таинственные вычисления и от времени до времени бросает в воздух никому непонятные цифры, на которые считает своим долгом отзываться менее всего понимающий в них толк доктор Кельман. Географ Нурдквист вслух мечтает о том, как хорошо было бы знать русский язык, чтобы время от времени переводить на шведский статьи о Сибири, помещаемые в русских журналах. Иногда только он отрывается от своих мечтаний, чтобы занести в маленькую записную книжку цифры, выкликаемые Брусевичем, должно быть для своих будущих переводов с русского на шведский.

На другом конце стола сидит человек, усердно что то записывающий. Это — доктор Стуксберг. Не отрываясь от занятий, он вслух благословляет тех благодетелей, которые изобрели бумагу и чернила.

Кончив писание, он оттирает пот, обильно выступивший на лбу, и из груди вылетает вздох: «нет, что ни говорите, а покой можно обрести лишь в могиле».

Но друзья уже знают цену такой мрачности доктора. Несмотря на свой пессимизм, он любит хорошо поесть и поспать, и крепкий пунш после обеда для него лучшее удовольствие.

Впрочем, кто из них не любит этого национального напитка Швеции. Стоит ему только появиться

на столе, как художник Ховгард откладывает в сторону свой альбом, где зарисовано в довольно-таки мрачных красках будущее «Веги», ее крушение у полюса, медленное погружение в воду, и, наконец, торжественное прибытие на дно морское, при общем удивлении всех подводных жителей.

При запахе пунша появляется из каюты доктора Альмквиста итальянец Бове, усердно изучающий шведский язык, и с ласковой улыбкой обходит всех, в надежде, что и ему перепадет малая толика. А сам Альмквист бросает свои вечные шахматные задачи и радостно потирает руки в чаянии близкого блаженства...

Таково было общество «Веги» в свободные от занятий часы. И это добродушное, веселое настроение не раз помогало переносить тяжесть долгой зимней ночи, а затем и неожиданной десятимесячной зимовки, которая свалилась к ним, как снег на голову, уже тогда, когда они были так близки от цели, когда уже радовались, заранее предвидя скорое окончание утомительного пути. И чтобы помириться с этим несчастьем, нужна была не только покорность судьбе, но именно та бодрая, приятная атмосфера, которая царила среди друзей.

Впрочем не будем забегать вперед и вернемся к нашей «Веге», которая в это время огибает уже Норвегию и через Баренцево и Карское моря вступает в Ледовитый океан.

Стояли прекрасные августовские дни. Счастье Норденшельда, казалось, не покидало его уже в этот раз. Югорский Шар милостиво пропустил экспедицию через свои воды, и «Вега», повернув

еще раз на восток, вступила в неизвестное море с неизвестными берегами, где мысы и острова еще не успели получить никакого названия. Честь крещения этих земель выпала на долю «Веги».

И только далеко, далеко на севере, на Таймырском полуострове, путники впервые встретились со своим старым знакомым—мысом Челюскиным¹⁾.

Но, как он изменился за это время!

Море, свободное на этот раз от ледяных глыб, ласково плескалось об его берега и являло разительный контраст с той яростной стихией, которая когда то чуть не поглотила Норденшельда на этом самом месте.

Дружески приветствовала «Вега» пушечным выстрелом самую северную оконечность Азии. Раскатистое эхо многократно повторило выстрел, и испуганно выскочил на него из своего логовища белый медведь, — символ грубой и жестокой силы полярной природы, напомнивший «Веге», что, несмотря на августовское солнце и цветущие маки на берегах, она все же находится в области вечных льдов.

И это вскоре оправдалось. Едва только скрылись последние очертания Таймыра, как все море покрылось вдруг откуда ни возмись густым плывучим льдом с его постоянным спутником—непроницаемым туманом, который, хотя и сильно затормозил поездку, но все же дал путешественникам

---

¹⁾ Этот мыс удалось достичь сухим путем русскому штурману Челюскину, отчего мыс и получил его имя.

случай произвести ряд интересных научных наблюдений.

В тумане же миновала «Вега» устье реки Лены и вступила в область, где единственными хозяевами были дикие чукчи. Здесь в продолжение целой недели «Вега» должна была отдыхать, так как плотные массы льдов закрыли дальнейший проход. Этой обстановкой воспользовались исследователи, чтобы поближе познакомиться с северными дикарями.

27 сентября, воспользовавшись небольшим проходом, «Вега» продолжала свой путь, но уже на следующий день она должна была снова остановиться и теперь уже на очень долго.

Вокруг царила необыкновенная тишина. Мороз все крепчал, и благодаря полному отсутствию ветра, все море было обложено неподвижной массой льда необыкновенной толщины. Все соединилось для того, чтобы положить предел дальнейшему путешествию «Веги». Невидимые руки поспешно работали над соединением «Веги» ледяным мостом с землей,—и там, где утро 28 сентября застало наших путников, там они должны были волею-неволей выбрать свою зимнюю квартиру.

Это было недалеко от чукотской деревушки Питлекая и всего за двадцать миль от цели плаванья—Берингова пролива.

Так близко от цели—и вдруг ни с места. Нелегко было спутникам примириться с этой насмешкой судьбы.

Но Норденшельд и его друзья были не из тех людей, которых неудача может заставить опустить

руки. Так неожиданно свалившееся им в руки свободное время они всецело посвятили научным изысканиям полярного бассейна, что послужило к еще большей славе экспедиции «Веги» и привлекло к ней внимание далеко за пределами Швеции.

К счастью, пленники Питлекая не чувствовали ни в чем нужды. Предусмотрительный и опытный Норденшельд позаботился обо всем.

Правда, непогода бушевала с такой силой, что судно дрожало и тряслось точно в лихорадке, мороз часто доходил до 40 градусов,—но «Вега» хорошо и прочно лежала на якоре среди ледяного оплота, а в каютах было тепло и уютно, все чувствовали себя здоровыми и веселыми, и зима незаметно проходила то в работе, то в прогулках, то в спорте, то в общении с чукчами.

Но как ни приятно было это зимнее времяпровождение, все же весь экипаж радостно приветствовал день 18 июля 1879 года, когда пронеслась радостная весть о том, что «Вега» сдвинулась с места.

Пары были разведены, и несколько часов спустя экспедиция была уже на пути на желанный восток. А на следующий день, в двенадцать часов, «Вега» торжественно проплыла мимо восточного мыса, самой крайней оконечности Азии на востоке.

Итак, Северный морской путь был пройден, и одно из самых блестящих предприятий девятнадцатого века окончилось полной победой.

Теперь, конечно, можно было со спокойной ду-

шой вернуться домой, чтобы дать миру отчет об этом удивительном завоевании.

Но Норденшельда тянуло еще дальше.

Ближайшие недели он посвятил изучению берегов Берингова пролива, пристал к островам Лаврентия, чтобы их изучить, отправился на рекогносцировку южных островов Берингова моря, и, только собрав все интересовавшие его сведения, направил свой путь в Иокогаму, куда и прибыл 2 сентября.

Отсюда телеграф разнес по всему миру о блестящем успехе экспедиции, и небольшой японский город сделался на время центром, куда были обращены глаза всего мира.

Туда неслись поздравления со всех концов света, и имя «Иокогама» было на устах у всех.

Обратное путешествие Норденшельда из Японии в Швецию было сплошным триумфальным шествием героя, возвращавшегося на свою родину.

И эта родина сумела достойно принять своего великого сына, ибо она знала, что экспедиция «Веги» принадлежит отныне не только истории полярных исследований, но истории всей человеческой культуры.

В Гренландии.

В ледяную пустыню.—Пешком по снегам.—Нет дороги.—Возвращение.—Последняя поездка.—Верный товарищ.—Гениальный исследователь.—Достойный преемник.

Итак, в течение меньше, чем в двадцать лет, Норденшельд совершил девять полярных экспедиций, из которых две были связаны с зимовками среди льдов.

Этого, казалось бы, должно было быть достаточно для того, чтобы достигнув всемирной славы, удалиться на покой и в мире провести остаток дней своих.

Но не таков был Норденшельд. Он работал не для славы, но для самого себя, для удовлетворения той жажды деятельности, которая всегда толкала его все вперед, к новым завоеваниям.

Спустя два года после возвращения «Веги» он стал уже подумывать о новой экспедиции.

Куда же теперь несла его мятежная душа, смелая мысль?

Еще во время своей последней зимовки в Ледовитом океане, в беседе с друзьями, он не раз говорил им, что его неудержимо тянет в Гренландию, куда он уже раз, но лишь мельком, заглянул. И теперь он решил осуществить эту свою давнишнюю мечту.

Ему на этот раз хотелось исследовать весь Гренландский остров, проникнуть вглубь этой ледяной пустыни, об ужасах которой ходили самые баснословные рассказы.

Он хотел сначала об'ехать весь остров с восточного берега на западный, а затем сухим путем пройти его в обратном направлении. О таком предприятии до него еще не осмелился и мечтать ни один исследователь; самому Норденшельду, как мы увидим после, оно удалось лишь наполовину. Выполнить его во всем об'еме, вызвав удивление всего мира, удалось другому исследователю, знаменитому Фритиофу Нансену.

Весною 1883 года Норденшельд был готов к отплытию.

Судном ему на этот раз служила старая, испытанная уже в ледяных боях, «София». Норденшельд рассчитывал на пять месяцев пути, но на всякий случай, наученный опытом, подготовил все к зимовке среди снегов Гренландии.

23 мая «София» оставила Готенбург, уже служивший столько раз местом разлуки Норденшельда с его родными и друзьями, и направила свой путь в Исландию. Отсюда экспедиция повернула к восточно-гренландским берегам и, плывя по узенькой полоске воды среди двух могучих ледяных равнин с восхищением любовалась дикими горными цепями, смутно голубевшими на далеком берегу.

При ужасном шторме «София» проплыла мимо Фаруэльского мыса, который может быть поистине назван мысом северных бурь, и вошла, наконец, в спокойный, но полный пловучими льдами Дэвисов пролив. Здесь поездка мимо западно-гренландских берегов, с совершающимся от времени до времени заездами в датские колонии, представляла собой одну лишь приятную прогулку.

Но вот уже вдали начали обрисовываться причудливые очертания Алеутского залива, где Норденшельд с некоторыми товарищами должен был отделиться от остальной экспедиции, чтобы пуститься в путь в ледяную пустыню Гренландии. «София» должна была ждать их возвращения.

На этот раз предприятие Норденшельда окончилось неудачей. Кюго мечтой было пройти всю Гренландию с запада на восток, но уже после месяца тяжелого пути, во время которого путников не раз засыпал мягкий, рыхлый, сыпучий снег, когда на каждом шагу их ожидала смерть в бездонной пропасти, лишь слегка покрытой льдом, они сбились с дороги и наткнулись на непроходимую горную цепь.

Напрасно смельчаки пытались преодолеть это препятствие, — высокие горы, сплошь покрытые льдом, сверкая и переливаясь на солнце, как будто насмехались над безумными попытками людей.

Искать другой дороги было бы безумием. Она могла находиться на расстоянии дня пути, но так же легко могла быть и на расстоянии двух месяцев. А у путников провиант истощался, надежды достать что-либо в этой мертвой пустыне не было никакой, и перспектива быть погребенными под этими холодными снегами, не добившись ничего, не представляла ничего утешительного.

Скрепя сердце, путники решили вернуться обратно и, спустя месяц, завидели на горизонте верхушку мачты своей милой «Софии».

Теперь экспедиции оставалось выполнить вторую часть программы — спуститься на юг и попы-

таться на этот раз достигнуть восточных берегов Гренландии кружным южным путем. По дороге Норденшельд намеревался посетить остатки селений древних норманнов, которые еще задолго до Колумба первые открыли Гренландию.

В этой части Гренландии берега носили характер европейских стран. Живописные фиорды, где некогда находились цветущие скандинавские колонии, сменялись ландшафтом, ничуть не уступающим альпийской природе, а узкие проливы и бухты с их быстрыми холодными течениями напоминали путникам их родную Швецию.

Через несколько дней пути оказалось, что и здесь невозможно найти дороги к восточным берегам, и экспедиции ничего не оставалось, как повернуть обратно, чтобы достигнуть желанных берегов тем же путем, каким они добрались сюда, т.-е. мимо северных берегов Гренландии.

К счастью, лед здесь оказался лежащим не такой плотной массой, он легче поддавался натиску «Софии», которая то мирно, то насильно пробивала себе путь, пока в конце-концов не обогнула мыс Дан-Кап.

Здесь она вздохнула полной грудью, и, мощно расправив паруса, помчалась к восточным берегам.

Мечта Норденшельда, таким образом, осуществилась, хотя и не в том размере, в каком ему этого хотелось бы.

Он не прошел пешком ледяных пустынь Гренландии, но зато два раза об'ехал Гренландию с востока на запад и с запада на восток мимо ее

северных берегов,—предприятие, которое до него казалось невыполнимым.

Эта последняя Норденшельдовская экспедиция осталась в памяти ее участников самым светлым, самым радостным событием их жизни. Им она казалась прекрасной, волшебной сказкой, а для Норденшельда была последней улыбкой, закончившей его великую жизнь, как исследователя и путешественника...

Прежде, чем расстаться с этим удивительным человеком, мы вкратце остановимся на нем еще, как на начальнике и вожаке экспедиций и как на товарище тех, кого судьба вручила его попечению.

Мы не станем говорить здесь ни о его смелости, ни об его уме и широких взглядах, ибо все это ясно из того, что он сделал. Но то, что поражало в нем как в человеке, не может не интересоваться нас.

Та слава, и чуть ли не поклонение, которою он был окружен со времени возвращения «Веги» и которая могла бы вскружить голову любому человеку,—не изменила ни на иоту его характера. Он оставался все тем же скромным, простым человеком, каким его знали все окружающие, отзывчивым на всякое дело, если только оно казалось ему добрым и искренним.

Первое впечатление, которое он оставлял на всякого видевшего его хоть мельком—было впечатлением непоколебимой уверенности, которую внушал к себе Норденшельд.

«На этого человека можно положиться, как на каменную гору»,—таково было общее мнение.

Часто в разговорах с собеседниками Норденшельд увлекался и так высоко залетал в своих мечтах и планах, что за ним трудно было поспевать. И часто собеседник чувствовал себя оглушенным этим потоком неожиданных выводов, предположений, планов, но стоило ему лишь немного освоиться с горячим темпераментом Норденшельда, как он уже чувствовал себя в его обществе спокойно, бодро, точно перед ним сидел его старый, близкий друг.

Особенно же хорошо чувствовали все достоинства Норденшельда его товарищи по путешествию.

Во время постоянно светлых полярных ночей, когда теряется представление о каком бы то ни было различии между днем и ночью,—всякий благоприятный час отдается какой-либо работе, и часто случается так, что день превращается в ночь, а ночь в день.

Норденшельд, любивший во всем порядок, всегда боролся с этой привычкой и заставлял своих товарищей вести правильный образ жизни, зная, что только таким образом можно сохранить свое здоровье, столь необходимое в пути, да еще среди полярных льдов.

Но сам он, всегда, как бы поздно ни ложился спать, в три-четыре часа уже был на ногах, и в то время, когда другие спали сладким сном, обходил все закоулки парохода, чтобы удостовериться, все ли в порядке. Он чувствовал, что на нем лежит ответственность за всех.

И часто случалось, что, прогнав усталого рулевого спать, он сам становился на его место, зорко

всматриваясь вдаль своими светлыми голубыми глазами и твердо ведя корабль по раз намеченному пути.

В эту минуту он как бы олицетворял сам свою необыкновенную судьбу.

Его постоянные плаванья среди льдов сделали из него такого же знатока этой области, какими были норвежские рыболовы, всю жизнь свою проводившие во льдах. И когда, несмотря на свои пятьдесят лет, он в минуты опасности, среди бушующего грозного моря и громадных льдин, готовых ежеминутно броситься на судно, чтобы растолочь его в порошок, становился на капитанский мостик и своим отрывистым громким голосом отдавал приказанья,—на корабле воцарялось удивительное спокойствие, и все чувствовали себя в полной безопасности под надежным оком главы экспедиции.

Таким он был не только на море, но и на суше. Первым сходил он на неизвестную землю, первым входил в хижину незнакомого племени, всюду внося с собой спокойствие, бодрость, чувство безопасности и ту страсть к работе и деятельности, которую он сохранил до самого конца своей жизни.

Он был не только исследователем, но и географом, этнографом, геологом, зоологом и ботаником. Его домашний кабинет, — это редкостный музей, где собрано все, что только существует замечательного в полярных странах.

Матросы знали, что лучшим удовольствием для «напаши», как они называли Норденшельда, будет, если они принесут ему какой-нибудь новый, еще

невиданный им, экземпляр растения или животного. Тогда глаза его сияли от удовольствия, и он весь погружался в изучение нового материала.

Все эти качества обеспечили ему глубокую любовь и преданность со стороны его подчиненных и товарищей,—и то единение и согласие, которые царили между ними, в не малой степени служили залогом тех успехов и побед, которыми была так богата жизнь Норденшельда.

Многосторонний ученый—Норденшельд все же прежде всего был гениальным исследователем, которому география обязана больше, чем какому-либо другому исследователю.

Если вы сравните теперешнюю карту северных стран с картой, составленной хотя бы в пятидесятых годах прошлого столетия, то увидите, какая громадная разница произошла за промежуток немного больше чем за пятьдесят лет.

И почти все это—дело Норденшельда. Начиная с Гренландии на западе и кончая Беринговым проливом на востоке, большинство новооткрытых островов, мысов, проливов, заливов, гаваней носят шведские имена, а одно из самых больших морей между полуостровом Таймиром и Ново-Сибирскими островами так и называется в честь гениального исследователя «морем Норденшельда».

Результаты деятельности Норденшельда сказались не только во всем нами перечисленном. Он умел открывать не только земли, но и людей. Вокруг него образовалась целая плеяда молодых, отважных исследователей, которые с жаром и успехом продолжали дело своего учителя. Среди них

были и итальянцы, и немцы, и французы, и англичане, но честь поддержать знамя Норденшельда и занять выдающееся место среди мира борцов с северной природой выпала на долю знаменитого норвежца Нансена.

Фритиоф Нансен.

Смелый турист.—Искра пламени.—На лыжах через Гренландию.—Ледяной архипелаг.—На краю гибели.—Гигантский ледник. Живая цепь.—Последняя угроза.—Переход кончен.—«Фрам».—Первая зимовка.—В борьбе со льдом.—Еще одна зима.—Великий день.—Земля.—Счастлиное возвращение.

Фритиоф Нансен родился в Осло, главном городе Норвегии, 10 октября 1861 г. Отец его, адвокат, хотел и сына своего пустить по этому же пути. Фритиоф стал посещать классический лицей, где хотя и усердно, но малоуспешно штудировал латынь и греческий язык. Зато с большим рвением он накиннулся на изучение естественных наук. Двадцати лет он кончил университет, получил звание доктора и был назначен хранителем естественно-исторического музея в Бергене.

Смелый турист, неутомимый пешеход, он в первое свое путешествие исколесил всю Гренландию, вернувшись на родину с трофеями,—убитыми 500 тюленями и 14 белыми медведями.

Известно, что датчане устроили на западном берегу Гренландии, климат которого смягчается юго-западным ветром и течением Гольфстрема, несколько колоний. Но восточная ее сторона, холодная, соприкасающаяся с громадными массами пловучего льда, покрытая громадными ледниками, казалось, была совершенно недоступной. Во всяком случае, никто не мог ее достигнуть.

Даже Норденшельд, как мы знаем, должен был отступить перед этими ледяными неприступными вершинами.

Но было ли это действительно невозможно?

Этот вопрос не давал Нансену покоя. Невозможное всегда влечет к себе смелых духом. Летом 1882 года Нансен сел на китоловное норвежское судно, которое пловучие льды прибили к этому страшному берегу Гренландии. С высоты самой большой мачты Нансен следил за развернувшейся перед ним панорамой и пришел к убеждению, что можно прорваться через полосу береговых льдов. И если бы не отказ капитана судна, — он наверное сейчас же бы и доказал правдивость своего предположения.

Однажды, осенним вечером, сидя в кругу своих близких и слушая чтение газеты, Нансен узнал о счастливом возвращении исследователя Норденшельда, который был на северо-западе Гренландии и не нашел там ничего, кроме бесконечных снежных полей, прорезанных неприступными ледяными горами. И по этой белоснежной равнине два лапландца, при помощи одних только лыж, совершили громадный путь сравнительно в короткий промежуток времени. Это известие было для Нансена искрой, зажегшей грандиозный план в голове смелого исследователя.

Норденшельд выполнил лишь часть дела, он прошел лишь часть Гренландии.

Нужно было пройти на лыжах всю Гренландию с востока на запад. И, не взирая на насмешки недоверчивых людей, после нескольких лет изысканий, экскурсий, размышлений, при содействии некоторых доброжелателей, Нансен собрал необходимые средства и решил привести свой план в исполнение.

К нему присоединились: неустрашимый капитан Свердруп, ученый офицер, большой знаток в области

метеорологии, Дитрихсен, молодой но, опытный Христиансен, все прекрасные охотники и завзятые любители путешествий.

К этим норвежцам по пути присоединились еще два лапландца: один—Бальто, услужливый и веселый малый, другой—Равна, мрачный и ленивый, но зато удивительно выносливый и прекрасно знающий местность.

Весь необходимый багаж был с ними: пять саней, достаточно легких для того, чтобы один человек мог таскать их за собою; две шлюпки, на случай, если придется перебраться на пловучую льдину; два спальных мешка из оленьей шерсти; несколько смен шерстяной одежды; теплые сапоги, шерстяные шапки и капюшоны, хорошо прокопченные зрительные стекла, меховые куртки, непромокаемая палатка, спиртовая лампа для приготовления пищи и для растаивания льда—для питья, сушеное мясо, печенье, шоколад, сахар, чай, сгущенное молоко, брусничное варенье, сушеная зелень и т. п.

Ко всему этому, путники взяли несколько ружей, припасов к ним, некоторые инструменты для научного наблюдения. И самое главное,—с ними были девять прекрасных пар быстроходных лыж.

2 марта 1888 года маленькая группа смелых лыжеходов села на норвежское китоловное судно, простилась с берегами Норвегии и направилась к восточному берегу Гренландии.

Уже этот переезд показал путникам, какое трудное дело они на себя взяли: только спустя 4½ месяца после отъезда они смогли оставить судно и довериться двум шлюпкам, которые должны

были их привести к земле через массы пловучего льда. Эти льдины — бурный и постоянно движущийся архипелаг — представляли собой вечный водоворот, в котором огромные массы льда сталкивались друг с другом, разбивались, грозя ежеминутно растереть в порошок хрупкие лодочки. Но это еще не все: вскоре подул сильный ветер с берега и стал относить их к открытому морю. А это означало неминуемую гибель.

Громадная льдина, на которой исследователи должны были приютиться, чтобы не быть разбитыми вдребезги, неслась по бушующим волнам, ежеминутно сталкиваясь с другими такими же колоссальными льдинами. Уже перед несчастными открылась туманная даль разъяренного океана, уже колоссальный прибой, ударяясь о твердые льдины, обдавал их брызгами леденящей воды. Вокруг стоял адский грохот и треск, словно наступил последний момент мироздания.

Вдруг, точно по мановению невидимой руки, ветер внезапно изменил свое направление и с невероятной силой стал гнать льдину с людьми к берегу. Это было спасение. Пять дней продолжалось обратное путешествие; на шестой Нансен и его спутники со вздохом облегчения ступили на землю или, вернее, на снег Гренландии.

Но это было только начало. Им предстояло теперь перейти ледяную поверхность, покрывающую всю внутренность Гренландии, Инландис, — этот гигантский ледник — самый громадный в северном полушарии, размеры которого равны миллиону квадратных километров.

15 августа шлюпки были вынесены на берег и укрыты в овраге, багаж был перенесен в сани, и экспедиция тронулась в путь, к западному берегу, где находились датские колонии.

Температура, сравнительно высокая в течение дня, разрыхлила снег; сани же были нагружены тяжело и приходилось напрягать все усилия, чтобы тянуть их за собою. Поверхность ледника была очень неровная; на каждом шагу попадались зияющие трещины, а ледяные естественные мостки, переброшенные через них, были ненадежны и хрупки.

Каждый из путников был привязан толстой веревкой к своим саням, так что все они вместе образовывали неразрывную цепь, и если под тяжестью одного из них ломался ледяной мост, то, удерживаемый тяжестью саней и остальных путников, он оставался висеть над бездной, иногда скрываясь в ней с головой.

И, так, они подвигались медленно вперед, пока было возможно. Но вскоре их настиг яростный шквал с дождем, и в течение семидесяти двух часов путники не могли тронуться с места: все это время, свернувшись в комок, лежали они в палатке, в своих мешках, и сном старались укоротить вынужденный отдых.

С первым проблеском солнца исследователи снова привязались веревками и пустились в путь, еще более трудный: бесконечные подъемы и спуски до нельзя утомляли путешественников, принужденных тянуть за собой груз. А тут еще прибавилась новая пытка—постоянная жажда, следствие сильного утомления. Свежей воды абсолютно нельзя

было достать, и путникам пришлось пользоваться талым снегом, согреваемым на груди в цинковых бутылках.

В этой ледяной пустыне, казалось, совмещались все противоречия природы: при ощущении постоянной жажды, исследователи рисковали ежеминутно отморозить руки и ноги, так как холод достигал температуры ниже 30° . И в это же самое время солнечные лучи с такой яркостью отражались на снегу, что под действием их, лица исследователей загорели и покрылись трещинами. Пешеходы страдали и от страшных снежных ураганов, которые грозили смести их самих и палатки с лица земли.

Путешествие длилось, таким образом, уже более месяца.

Лето приходило к концу. Чтобы ускорить медленное передвижение, всегда изобретательный Нансен придумал очень остроумную штуку: воспользовавшись несколькими кусками непромокаемого полотна с палатки, он приспособил их в качестве парусов на санях, и последние, подгоняемые сильным ветром, быстро «поплыли по волнам Инландиса». 1 сентября экспедиция прибыла на самую высокую точку ледника, находящуюся на высоте 2000 метров — и когда исследователи узнали об этом, их радости не было предела. Теперь оставалось лишь спуститься по склону и перевалить на западный берег.

Легко сказать — перевалить! Новая буря разразилась ужаснее первой и грозила занести снегом несчастных исследователей.

Но они вынесли и ее; это была, очевидно, последняя угроза ледяной пустыни. Уже над ними

кружилась маленькая птица, радостный вестник близкого берега.

Еще только одно усилие, и все кончено!

Склоны ледника становятся более покатыми, ветер надувает паруса, сани с головокружительной быстротой несутся вниз, рискуя полететь вместе с людьми в зияющие то здесь, то там пропасти. И наконец, на далеком горизонте, на западе показалась цепь прибрежных гор. Они вырисовываются все яснее, увеличиваются, приближаются. Последние препятствия побеждены. Переход через Инландис окончен. Он продолжался полтора месяца.

Но окончено ли их путешествие? О, нет еще! Для того, чтобы достигнуть ближайшей датской колонии, расположенной на прибрежных островах Готхааб, нужно было смастерить лодку, в которой Нансен и капитан Свердруп доверили свою жизнь яростной стихии океана.

Можно себе представить, какая торжественная и сердечная встреча ожидала смельчаков на Готхаабе. Сейчас же было послано судно за товарищами Нансена, оставшимися на берегу Гренландии.

Лето, между тем, кончилось; последний корабль, совершающий рейсы между Готхаабом и Данией, ушел, и Нансен со спутниками должны были перезимовать в Гренландии. В Норвегию они вернулись весной 1889 года.

На родине никто уже больше не смеялся ни над лыжами Нансена, ни над его проектами. А Нансена занимал уже новый грандиозный план. Для науки важно было, по его мнению, не только

найти математическую точку северного полюса, но, что еще важнее, исследовать неизмеримые, до сих пор неизвестные, пространства полярных областей. Широко нарисовал свой план Нансен перед Географическим Обществом Осло.

Как доказали предшествующие исследования, у мыса Фаруэльского, крайнего северного пункта Гренландии, проходит с запада на восток течение, которое направляется в полярные области. И надежный корабль, доверившись этому течению, несомненно, может пройти мимо полюса и даже коснуться его. Нансен решил построить специальный корабль, приспособленный для плавания среди льдов.

Доклад Нансена был встречен сочувственно; необходимые для экспедиции деньги, в размере 250.000 рублей, были ассигнованы норвежским стортингом (собрание народных представителей).

Корабль Нансена назывался «Фрам» («Вперед»). На нем, кроме необходимых предметов для полярной экспедиции, находилось 8 крепких шлюпок и 13 человек разной специальности, все люди сильные, смелые, уже не раз плававшие среди льдов. Один из них, инженер Югансен, только для того, чтобы попасть в экспедицию, принял на себя обязанности простого кочегара. Командование судном было поручено тому самому капитану Свердрупу, который сопровождал Нансена по Гренландии.

24 июня 1893 года «Фрам» покинул Осло, направившись вдоль норвежских фиордов. На острове Варде он простился с цивилизованным миром. На долго ли? Быть может, навсегда...

Пройдя сквозь туманы Баренцова моря, «Фрам» 24 июня встретил первые льды, прошел мимо Новой Земли, пристал к низменному берегу сибирских равнин, еще зеленых и цветущих в то время, для того, чтобы взять на судно 34 самоедских собак, и вошел, наконец, в Карское море.

Долгое время «Фрам» подвигался вперед, как бы ощупью, по узкому проливу, между массами льда и азиатскими берегами. Приближалась зима.

Льды уже грозили несколько раз затереть «Фрам». И только 10 сентября удалось Нансену обогнуть крайний пункт континента на севере, мыс Челюскин. Здесь «Фрам» почувствовал себя на свободе и на всех парусах помчался вперед, пока не достиг островов Новой Сибири, где плотная стена льдов окончательно сжала его тесным кольцом.

Наступила первая зимовка, которую Нансен решил сделать по возможности более приятной для путников.

В свете и тепле не было недостатка; научные наблюдения, физические работы разнообразились чтением, музыкой, прогулками на лыжах, охотой на медведей и моржей, праздниками, устраиваемыми иногда. Все это сокращало долгие, медлительные дни, вернее ночи, скрашивало однообразие зимнего пребывания во льдах. Часто путники любовались великолепным северным сиянием, так же быстро исчезающим, как и быстро наступавшим.

Но, вскоре все это кончилось; на одной из льдин показалась трещина, и вслед за этим раздался оглушительный шум и треск. Вокруг корабля стол-

пились глыбы льда, грозя его растереть. Громадная ледяная пустыня, до сих пор молчаливая и неподвижная, превратилась в хаос, в какое-то громадное чудовище, ежеминутно испускающее звуки, точно отдаленные раскаты грома.

То здесь, то там, открывались зияющие пропасти, и глыбы льда какой-то неведомой силой подбрасывались вверх, как мячик, и падая сталкивались с другими глыбами, превращаясь в мелкий, серебристый порошок. «Фраму» нужно было иметь крепкий корпус, чтобы выдержать все это.

В своем корабле Нансен был уверен, но сильно сомневался в том действительно ли пловучий лед двинется затем к северу.

С нетерпением он ожидал того момента, когда, наконец, льды, сжимающие «Фрам», освободятся и тронутся.

Настроение же и здоровье Нансена оставалось попрежнему прекрасным. «Полярная ночь,—пишет он в своем дневнике,—меня абсолютно не угнетает; наоборот, я чувствую себя ожившим и помолодевшим. Эта правильная жизнь на меня действует великолепно, я никогда не чувствовал себя лучше. Более прекрасной санатории нельзя и пожелать».

Январь 1894 года был страшно холоден. Морозы в 39°, 40°, 42° были еще «очень сносными» по уверению исследователей. Затем температура спустилась до 48°, 50° и 51°.

«Погода очень приятная», записывает Нансен, рискуя несколько раз отморозить себе пальцы.

По наступлении весны и лета «Фрам» стал медленно подвигаться вперед к северу: пловучие льды

заставили корабль лавировать, а иной раз совершенно сбивали его с пути. Все это время Нансен подготовлялся к возможной при таких условиях катастрофе, когда пришлось бы покинуть корабль. Он построил кайяки (легкие лодочки в роде душегубок), в надежное место спрятал все припасы, привел в порядок сани, устроил конуры для собак и т. д.

В течение лета Нансен к своей большой радости заметил, что лед, действительно, движется по направлению к северо-западу, но, правда, не с такой быстротой, как он ожидал. Это не входило в его планы, и после долгого размышления он принял героическое решение: «Фрам» под командой Свердрупа, должен был продолжать свой путь, а сам Нансен пешком, по льду, отправится к северу.

И вот наступила вторая зима, печальная и темная, однообразная и ледяная, как и первая, со своими жуткими звуками трескающегося льда, разверзающего под собой черные холодные бездны. Но тринадцать пассажиров «Фрама» ни на одно мгновение не теряли бодрости духа. «Если жизнь исследователя и тяжела — записывает Нансен в своем дневнике 27 декабря, — если подчас из груди вырывается невольная жалоба, то все же порой выдаются такие часы, когда душа замирает от радости и сердце наполняется восторгом перед достигнутыми победами».

26 февраля 1895 года настал «великий день» отъезда Нансена. В течение всей недели он почти не отдыхал; написав жене прощальное письмо, он в сопровождении инженера Югансена, на санях

запряженных собаками, при ободряющих криках покидаемых товарищей, бросился навстречу неизвестному.

Более месяца два путника боролись с такими препятствиями, о которых нельзя даже составить себе представления. Собаки выбивались из сил при переправе через заостренные вершины пловучего льда и исследователям приходилось помогать им. Работа эта была настолько изнурительна, что пот катился с них градом, несмотря на ужасный холод. И сейчас же замерзая, он причинял им страшные страдания.

И при таких условиях они 10 апреля достигли $86^{\circ} 13'$, т.-е. пункта, находящегося на расстоянии менее, чем 4° от полюса. Здесь они решили направиться к земле Франца Иосифа.

К несчастью, Нансен забыл завести свои часы, и потому путники потеряли всякое представление о времени.

А, между тем, весна давала о себе знать. Тяжелые глыбы размягченного снега падали с громадных высот и грозили своим падением задавить на смерть путников; между льдинами появлялись зловещие трещины, что делало почти невозможным езду на санях. А тут еще собаки из-за отсутствия пищи падали истощенные, и их полуживые тела служили пищей для других собак. Сами исследователи были не в лучшем положении: запасы их пищи быстро убывали, положение становилось критическим; но, к счастью, им удалось убить тюленя и на некоторое время обеспечить себя его мясом. Кое-как исправив свои продырявленные кай-

яки, они подвигались вперед по узким тропинкам между движущимися массами льдин, грозившими каждую минуту затереть их.

Наконец, по истечении 3-х месяцев (по приблизительному подсчету Нансена) они впервые за два года заметили на горизонте плывучего льда какие то темные силуэты, заставившие сердца их забиться в радостной надежде: то была земля.

И действительно — это оказалась земля Франца Иосифа.

Но базальтовые острова, окруженные и покрытые сплошным льдом, не принесли облегчения исследователям. То волоча за собой сани по ледяным глыбам и тающему снегу, то умопившись на своих несчастных кайяках, они почти не подвигались вперед, в то время, как осень не заставляла себя ждать.

Что было делать? Пытаться достигнуть еще до наступления зимы какого-нибудь посещаемого пункта — было безумием; оставалось перезимовать в третий раз.

Выбрав место, безопасное от ветров и бурь, два исследователя устроили из камней хижину и покрыли ее кожей. В ней они прожили при морозе 40° — 50° , около шести месяцев. Свет и тепло давала лампа, устроенная из коробки от консервов и наполненная тюленьим жиром. Пища их была всегда одна и та же: вареное мясо по утрам и свиное сало по вечерам. Единственным развлечением была охота на белых медведей и моржей и чтение корабельных правил и альманахов, который они знали наизусть.

Больше всего они спали, мечтая во сне о своей Норвегии, о родном круге семьи...

Но никогда ни на одну минуту они не теряли бодрости духа и до конца оставались глубоко преданными друг другу.

Зима кончилась; наступила весна с солнцем, одинаково благодетельным для всего мира. Взвалив кайяки на сани и захватив с собой свои ружья и патроны, исследователи, в новых одеждах из медвежьих шкур, двинулись в путь, на этот раз на лыжах.

Это последнее путешествие было самым тяжелым из всех. Нансен упал в одну из предательских трещин, наполненных ледяной водой, и несомненно утонул бы в ней, если бы не своевременная помощь его друга. В другой раз один из кайяков унесло ветром, и Нансен пустился вплавь, чтобы поймать его. Парализованный холодной водой, он должен был сделать нечеловеческие усилия, чтобы догнать его. Чаще же всего, на них нападали моржи и своими крепкими клыками приводили кайяки в полную непригодность.

Так подвигались они вперед, обессиленные постоянной борьбой, — как вдруг внимательный взгляд Нансена открывает на снегу следы собак. Своих собак у них уже давно не было; значит, это были чужие. Нансен напрягает свой слух, — и ему слышится чей то голос. Он пронизывает острым взглядом темноту и замечает вдали какую-то темную фигуру, приближающуюся к нему. Эта фигура увеличивается, делается все яснее, и спустя несколько минут перед ним человек, внимательно и радостно разглядывающий героев в медвежьих шкурах.

Это был Джексон, начальник английской экспедиции, расположившейся на земле Франца-Иосифа. Экспедиция эта была окружена всеми удобствами, и наши исследователи, вместе с братским и сердечным приемом, нашли здесь то, чего они так долго были лишены: спокойный отдых в кругу культурных людей.

Вскоре прибыл первый корабль, привезший английской экспедиции припасы, и на нем наши путники 13 августа прибыли в Норвегию, в Варде, откуда они телеграфировали в Осло о своем счастливом возвращении. А еще через неделю смелые норвежцы прибыли в Гаммерферст, где жена Нансена ожидала с нетерпением своего героя мужа.

А что случилось с экипажем «Фрама»? Несколько дней спустя после возвращения Нансена, он тоже вернулся, прекрасно исполнив свое дело.

Радость и восторг царили среди норвежцев, когда они узнали о благополучном, благодаря Нансену и Свердрупу, возвращении экспедиции, три года проводшей среди смертельных опасностей полярных стран.

Нансен стал национальной гордостью и, осыпанный почестями, совершил триумфальное путешествие по всей Европе, единодушно признавшей в нем неустрашимого исследователя и героя полярных областей.

Эпилог

Люди сильной воли, люди—герои, отважные и неустрашимые исследователи, легко жертвовали своею жизнью только для того, чтобы приподнять завесу над таинственными областями земли. Они работают и до сих пор. Но теперь на всем земном шаре почти нет уголка, важного в каком-либо отношении, который не был бы исследован, осмотрен и в который не проникла бы Европа со своими товарами и своими броненосцами¹⁾.

Но в мир явились новые предприимчивые люди с такой же сильной волей и энергией, как исследователи. Они только начинают свое дело, пока еще бесконечное, безграничное. Эти люди—достойные преемники исследователей земель, смелые люди—птицы, неустрашимые авиаторы.

Столько времени, сколько существует человечество, люди мечтали о небе, безбрежном, воздушном, о крыльях, которые смогли бы поднять их в этот эфирный океан. Старинная легенда об Икаре олицетворяет эту вечную тоску человечества.

В наше время легенда воплотилась в действительность, народилась новая наука,—наука об авиации. Вы все знаете ее историю, начавшуюся в 1783

---

¹⁾ В последнее время блестящие экспедиции Пирри, Шекльтона, Амундсена и Скотта подняли последнюю завесу, скрывавшую от мира, тайну обоих полюсов. Об этих экспедициях см. книги Н. А. Каринцева: «К южному полюсу» и «Завоеватели Севера», изд. ГИЗ.

году с аэростата Монгольфьера, жалкой игрушки воздушных течений и капризов атмосферы. Для того, чтобы управлять этими воздушными шарами, нужно было присоединить к ним двигатели. Но шары были легче воздуха, а все двигатели—тяжелее его. Долгое время все поиски направлялись только в одну сторону: найти двигатели легче воздуха. Благодаря применению бензинового двигателя был совершен переворот в аэростатике, который привел к созданию громадного управляемого баллона или дирижабля типа Цеппелин.

И с этой поры изобретатели и искатели разделились на два лагеря: одни продолжали старое дело, начатое еще Монгольфьером, и совершенствовали аппараты легче воздуха. Другие реформаторы по духу более смелые, более настойчивые, все свои стремления, всю свою энергию отдали для осуществления одной мечты—создания аппарата тяжелее воздуха,—и этим людям мир обязан величайшим за последнее время изобретением аэроплана. Все знают теперь эту летающую машину, так похожую на громадную птицу; все слышали о ее героях.

Авиатор Блерио является одним из самых ярких представителей этих людей-птиц.

Блерио родился в Кабре 1 июля 1872 года и вырос при монотонном шуме ремесленных станков. Первые шестнадцать лет своей жизни он провел на маленькой фабрике своего отца. Здесь он наблюдал сначала примитивную работу хрупких деревянных станков, разбросанных в беспорядке по всей мастерской; затем он был свидетелем того, как на месте простых станков появились сложные

многошумные машины, производящие в один час столько, сколько в несколько дней производил раньше один рабочий.

И эти машины пробудили в нем удивление перед могуществом человеческого разума и любовь к механике.

Читая Жюль Верна, юный Блерио мечтал сделаться изобретателем; позже, когда он стал читать Жоржа Онэ, он пожелал поступить в политехнику. Это желание юноши совпало с желанием его отца, и он поступил в политехнику.

По выходе из политехникума Блерио поступил на артиллерийскую службу, и здесь, в долгие часы досуга, он впервые ясно и сознательно ощутил в себе непреодолимое желание овладеть воздушным пространством.

Блерио решил оставить военную службу, отец воспротивился этому, — и Блерио прежде всего должен был подумать о том, как он будет существовать.

Счастье и энергия пришли ему на помощь. То время было «временем автомобилей». Прекрасные машины днем, они ночью лишены были возможности передвигаться, ибо обыкновенные фонари были слишком недостаточны для них.

Блерио изобрел громадные автомобильные фонари, которые сразу доставили ему известность и деньги.

И в последующие четыре года, в вечной лихорадке, оглушенный звоном денег, он забыл о своей прекрасной мечте.

Но вот наступил 1900 год, год всемирной Парижской выставки.

Блерио посетил ее.

И в одной из ее многочисленных зал, мимо которой проходила равнодушная толпа посетителей, он заметил странную машину с крыльями летучей мыши.

Это был авион Адера.

И мечты, казалось, погребенные уже на веки в тайниках души, ожили.

Все слилось в один неумолчный крик души: лететь. Быть громадной птицей на ясном небе, быть человеком-птицей, которую ветер колеблет и земля влечет, быть чем то странным и загадочным: тяжестью в легком воздухе, быть силой, более могущественной, чем все силы стихии, быть действительностью, более смелой, чем все легенды о крылатом человеке.

И лихорадочно работает Блерио, работает дни и ночи, недели и месяцы, убеждаясь с каждым днем в грандисности задачи, взятой на себя.

Неуспехи сначала следовали за неудачами, но Блерио был терпелив, и после трех лет работы, работы на-ощупь, из его мастерской вышла первая птица.

Но что это было за чудовище?

Под влиянием грубых толчков мотора крылья птицы беспомощно трепещут, пока весь аппарат одним судорожным и внезапным движением не разлетается вдребезги.

В отчаянии стоит Блерио перед остатками своего разбитого детища: все нужно начинать снова.

А, между тем, трехлетняя работа поглотила почти весь капитал. И перед глазами Блерио немым укором встает его жена, окруженная маленькими детьми, которым нужно есть. Его терзает совесть, ему кажется, что он—игрок, который растратил достояние своих детей.

Но Блерио был не из тех людей, которые беспомощно опускают руки и при малейшей неудаче прощаются со своей мечтой.

Опыты американца Вильбура Райта подействовали на него, как удары кнута на уставшую лошадь, а тут еще случай помог ему: он познакомился с братьями Вуазен, у которых были деньги, и вместе с ними основал первый завод аэропланов.

Еще четыре опыта Блерио кончились неудачно, пока из его завода не вышел первый моноплан в форме канарейки. Это было в 1907 году.

С глубоким волнением приступил Блерио к испытаниям этого моноплана.

Полетит ли он?

Осторожно пустил его сначала по земле: аппарат шел прекрасно.

Блерио решил полететь; аппарат делает ужасный скачек в высоту и затем стремглав летит на землю и разбивается. Счастье Блерио, что он не погибает вместе с ним.

Через год неутомимый изобретатель сооружает новый моноплан, и на этот раз испытание заканчивается полным успехом: аппарат летит.

Парижский аэро-клуб признал громадные заслуги Блерио и наградил его медалью. Но сам Блерио еще не совсем доволен: один за другим он

строит еще три аппарата, но каждый из них, после удачных полетов, в конце-концов плачевно кончает свою жизнь.

К концу 1908 года было построено таким образом в общей сложности 10 аппаратов, из которых ни одного нет на-лицо. А по подведенному балансу было истрачено 800.000 франков. Это было раззорение. Но нужно было продолжать.

И он строит знаменитый XI номер. Он строит его с той лихорадочной надеждой, с какой утопающий хватается за соломинку. Этот аппарат был для него всем.

И он добился своего. Более того, он хотел поразить мир, он хотел показать, чего можно достигнуть неустанным трудом и смелостью, и он решился на то, о чем до него никто не смел и думать: перелететь Ламанш. Это было опасно, это значило поставить свою жизнь на карту. И Блерио решил или погибнуть, или победить. И он победил, он перелетел Ламанш.

После Блерио многие авиаторы совершали перелеты, может быть, более опасные и более блестящие. В настоящее время воздушное сообщение даже между отдельными странами стало уже обычной вещью. И Союз Советских Социалистических Республик занимает в этом отношении не последнее место. Но Блерио был первый, кто осмелился это сделать.

Когда древний поэт Гораций воспевал в прекрасных стихах неустрашимость первого воздухоплавателя, он не сомневался, что настанет когда-

нибудь день, и найдется человек, который направит свой дерзновенный полет над бушующей поверхностью вод.

И такой человек нашелся...

Так неустанно, неудержимо, подобно могучему потоку, идет вперед человечество, и впереди этого победоносного шествия идут люди сильной воли, которых не может остановить никакая опасность, никакое затруднение.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Норденшельд.	
Полярная горячка.—Отец и мать.—В гимназии.—Юный профессор.—Изгнанник.—Дружба с исследователем.—Первые победы.—Собаки или олени.—К полюсу	0
Вокруг Азии северным путем.	23
Новые замыслы.—На «Опыте».—В устье Енисея. Планы расширяются.—Новый Колумб.—«Вега». Вселенноеобщество.—Старый знакомый.—В царстве льдов и туманов.—Среди чукчей.—Ни с места.—Пленники Питлекая.—«Вега» тронулась!—На Крайнем Востоке.—Мечты исполнились.—Мир взбудоражен.—Возвращение героя.	
В Гренландии.	
В ледяную пустыню.—Пешком по снегам.—Нет дороги.—Возвращение.—Последняя поездка — Верный товарищ.—Гениальный исследователь.—Достойный преемник	34
Фритиоф Нансен.	
Смелый турист.—Искра пламени.—На лыжах через Гренландию.—Ледяной архипелаг.—На краю гибели.—Гигантский ледник. Живая цепь.—Последняя угроза.—Переход кончен — «Фрам». Первая зимовка.—В борьбе со льдом.—Еще одна зима.—Великий день.—Земля.—Счастлирое возвращение	42
Эпилог.	57

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА“

ЛЕНИНГРАД, Внутри Гостиного двора, № 120.
МОСКВА, Тверская, Б. Гнезниковский пер., № 10.

КНИГИ ДЛЯ ДЕТЕЙ и ЮНОШЕСТВА:

- Андервуд, В. — Мой дикий брат. С илл. Ц. 75 к., в пер. — 1 р. 15 к.
Будь готов! — III сборник рассказов. С иллюстр. Ц. 90 коп.
Будь готов! — IV сборник рассказов. С иллюстр. Ц. 1 руб.
Герои южного полюса. — Путешествие лейтенанта Шекльтона и капитана Скотта. В изложении Э. К. Пименовой. С иллюстр. Ц. 1 р. 10 к.
Гиршгорн, В. и Келлер, И. — Сорванец Джо. Пов. С илл. Ц. 60 к.
Жербо, А. — Один через Атлантический океан. Ц. 60 коп.
Каринцев, Н. — По странам ночи и льда. С иллюстр. Ц. 1 р.
Каринцев, Н. — В стране угля. С иллюстр. Ц. 1 руб. 50 к.
Каринцев, Н. — Тайна книги. С иллюстр. Ц. 90 коп.
Каринцев, Н. — Песок и джунгли. Ц. 45 к.
Каринцев, Н. — Приключения под тропиками. Ц. 80 к.
Каринцев, Н. — Правь на Север! Ц. 50 к.
Клейн, Г. проф. — Астрономические вечера. 4-е изд. Ц. 3 р. в переплете — 3 руб. 50 коп.
Крафт, Э. — Взлеты и искры. С иллюстр. Ц. 75 к.
Кромп, Эрвин. — На рельсах. Ц. 1 р. 40 к.
Моффет, К. — Люди отваги и риска. Перевод с англ. В. А. Азова. В 4-х книгах. Книга I. Над бездной. Ц. 70 к. Книга II. Без страха. Ц. 80 к. Книга III. Победители стихии. Ц. 80 к. Книга IV. Циркачи. Ц. 90 к.
Новый чтец-декламатор. Под ред. В. И. Владиславлева. 2-е доп. изд. Ц. 1 р. 20 к.
Один среди дикарей — Путешествие Миклухи-Маклая в Новую Гвинею. С иллюстр. Ц. 1 р.
Пименова, Э. К. — Полярный Робинзон. Приключ. капитана Миккельсена во льдах Гренланд. С илл. 3-е изд. Ц. 1 р. 10 к.
Ролт-Уилер, Фр. — Как мальчик Хюг сам построил радиостанцию. С иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.
Робертс, Ч. — Обитатели нетронутого простора. С иллюстр. Ц. 1 р. 25 к., в перепл. — 1 р. 65 к.
Фульберг-Хорст, И. — Автомобиль дядюшки Герберта. С иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.
Фульберг-Хорст, И. — Радио дядюшки Герберта. С илл. Ц. 1 р. 30 к.
Хитрово. — Дети прялки и веретена. С иллюстр. Ц. 50 коп.
Чумаченко, Ада — Шаг за шагом. Приключения Петьки в Туркестане. С иллюстр. Ц. 70 к.

Книги высылаются налож. платеж. Каталоги — бесплатно.
При высылке денег вперед — пересылка за счет изд-ва.

Цена 50 коп.

9073

Издательство „КНИГА“

ЛЕНИНГРАД, Гостиный двор, 120, тел. 1-34-34.

МОСКВА, Тверская, Б. Гнездниковский пер., 10, тел. 2-64-61.